

01.635.1

K67

12-a

Е М И Я Н А У К С С С Р
Д С К О Е О Т Д Е Л Е Н И Е И Н С Т И Т У Т А Я З Ы К О З Н А Н И Я

На правах рукописи

Г. Е. КОРНИЛОВ

**ОПЫТ ИССЛЕДОВАНИЯ
ПО ЧУВАШСКОЙ ДИАЛЕКТОЛОГИИ
И БУЛГАРО-ЧУВАШСКОЙ
ТОПОНИМИКЕ**

А В Т О Р Е Ф Е Р А Т Д И С С Е Р Т А Ц И И
Н А С О Й С К А Н И Е У Ч Е Н О Й С Т Е П Е Н И
К А Н Д И Д А Т А Ф И Л О Л О Г И Ч Е С К И Х Н А У К

ЛЕНИНГРАД • 1966

05-45-78	4
----------	---

Ленинградское отделение Института языкознания Академии наук СССР направляет Вам автореферат диссертации Г. Е. Корнилова на тему «Опыт исследования по чувашской диалектологии и булгаро-чувашской топонимике».

Диссертация выполнена в Чувашском государственном Педагогическом институте им. И. Я. Яковлева, представлена в Ученый совет Института языкознания на соискание ученой степени кандидата филологических наук.

Публичная защита диссертации состоится в мае 1966 года.

Просим ознакомиться с авторефератом и Ваши замечания или отзыв прислать в Ленинградское отделение Института языкознания АН СССР (Ленинград 164, Университетский проспект, 5).

Ученый секретарь совета *В. М. Павлов*

Реферируемая работа имеет целью: сообщение необходимых при топонимических изысканиях сведений по истории и диалектологии чувашского языка, а также — предварительное обобщение в плане выявления пространственно-хронологической локализации и возможностей классификации наиболее интересной части доступных на сегодня материалов. В числе источников были использованы: работы В. К. Магницкого,¹ Н. И. Золотницкого,² Н. И. Ашмарина,³ В. Г. Егорова,⁴ Б. А. Серебренникова,⁵ К. В. Элле,⁶ И. Д. Никитина,⁷ списки населенных мест, карты и документы. Кроме того, значительное количество населенных пунктов было обследовано автором, а также студентами 3 курса (1963-64 уч. год) филологического факультета Чувашского педагогического института им. И. Я. Яковлева.

Работа делится на три части: историко-диалектологическую (гл. I «Некоторые сведения по истории и диалектологии чувашского языка, необходимые для интерпретации булгаро-чувашских топонимов»), историко-топонимическую (гл. II «К вопросу о возможности гунно-булгарского происхождения некоторых топонимов в Евразии», гл. III «К вопросу о возможности гунно-булгарского происхождения некоторых топонимов в бассейнах Дона и Дуная», гл. IV «К вопросу о возможности булгаро-чувашского происхождения некоторых топонимов на территории Среднего Поволжья») и классификационную (гл. V «К вопросу о возможных

¹ В. К. Магницкий. Чувашские языческие имена. Казань, 1905.

² Н. И. Золотницкий. Заметки для ознакомления с чувашским наречием. Казань, 1871, Его же: Корневой чувашско-русский словарь. . . . Казань, 1875.

³ Н. И. Ашмарин. Чăваш сăмахĕсен кĕнеки. Словарь чувашского языка, вып. I—XVII, Казань—Чебоксары, 1928—1950. Его же: Болгары и чуваша. Казань, 1902; а также — другие его работы.

⁴ В. Г. Егоров. Современный чувашский литературный язык, ч. I. Чебоксары, 1954, и некоторые другие его работы.

⁵ Б. А. Серебrennikov. Происхождение чуваш по данным языка. Сб. «О происхождении чувашского народа». Чебоксары, 1957, и другие его работы.

⁶ К. В. Элле. Историко-географическая номенклатура Чувашской АССР (Названия населенных пунктов). Научный архив ЧНИИ ЯЛИЭ.

⁷ И. Д. Никитин. Топонимика. (Назв. урочищ, оврагов, лесов и др. Чув. АССР). Научный архив ЧНИИ ЯЛИЭ, Отд. II, Е. х. 26, инв. № 52.

12-9

Чувашский институт языкознания
Б И Б Л

классификация топонимов, функционирующих в чувашском, а также в некоторых других языках»).

I. В излагаемых в первой главе сведениях по истории и диалектологии чувашского языка⁸ значительное внимание уделено выяснению современного и бывшего состава фонем в системах консонантизма и вокализма, разграничению фонем и аллофонов, степени и характеру сочетаемости фонем и аллофонов и др. аналогичным вопросам, ответ на которые может помочь, например, при фоностатическом анализе топонимов булгаро-чувашского происхождения вне современной территории локализации чувашей, а также при решении других топонимических задач. Естественно самостоятельность очерка, поскольку он строился не только исходя из потребностей последующих глав данной работы, а исходя главным образом из предполагаемых потребностей любого исследования в области булгаро-чувашской топониматики.

II. Далее затрагиваются вопросы пространственно-хронологической локализации топонимов гуннского, болгарского и чувашского происхождения.

Во второй главе рассматриваются ареалы гидронимов, имеющих в своем составе географические номенклатурные термины *vagan 'дол(ина)' и *ja⁰: қап '(проточная) река'.⁹ По ареалу *vagan приведен основной интерпретируемый материал в хронологической последовательности его источников. В качестве оснований для выделения ареала рассматриваются:

1) самостоятельное и устойчивое функционирование производных *vagan в качестве названий рек: Vorana, Varan, Varan, Voron и т. д.;

2) вхождение в состав названий, определяющая часть которых может быть лингвистически точно детерминирована: Velikaja Vorona, 'Sivaran', Balčykla Varan, Lesnoj Voronež, Pol'noj Voronež и т. д.

Позиционно и по признаку оформленности диминутивными суффиксами от *vagan отличаются славянск. *vognъ 'черный и др.', бурят.-монгольск., монгольск., тувинск. bagun, bagun 'запад(ный), правый' и др. созвучные элементы в топонимии Евразии, что позволяет очертить подлинную территорию ареала *vagan: носители языка-источника гидронимов в древнюю эпоху жили поблизости от озера Байкал, затем переместились в верховья Оби и Ир-

⁸ Часть этой главы была опубликована нами в виде отдельной статьи «О составе фонем и их аллофонах в системе диалектов чувашского языка». ВЯ, № 4, 1964.

⁹ Некоторые соображения, из приведенных здесь, высказывались автором и ранее. См. Г. Е. Корнилов. Гидронимические ареалы *varan и *ja⁰: қап в Евразии. Сб. «Материалы по чувашской диалектологии», в. II. Чебоксары, 1963, а также: Г. Е. Корнилов. Гидронимический ареал *ja⁰: қап в Евразии. Сб. «Топонимика Востока. Новые исследования», Изд-во «Наука». М., 1964.

тыша (Алтай), на 700—800 км западнее, где оставались продолжительное время, после чего, сделав переход более 1000 км на запад, поселились в Восточной Европе в бассейнах р. р. Урала (Яика), Волги, Дона и Днепра, а также в Крыму. Подобным вышеописанному был путь гуннских племен. Кроме того, географический термин *vagan, не имея прямых соответствий ни в одном из современных языков Евразии, вполне может быть объяснен из тюркских языков, которым свойственны ротацизм и лабдаизм. Так, например, гуннскому названию р. Днепр (по некоторым спискам — его притоков) Var в тюркских языках соответствует Özü или Üzü. Соответственно тюркским ozon, ozen, ozen, ožen и т. д. 'долина; река, речка; приток; поток' и т. д. в гуннском и болгарском должно было быть *vagan. Современные чувашские диалекты, наследующие в основном гунно-болгарские, повсеместно употребляют слово var в том же значении, а слово *vagan здесь предположительно с XIII—XIV вв. было вытеснено татаро-кыпчакским заимствованием üzən > vazan. Что касается топонимов, имеющих вместо *vagan форму vagan, то переход v- > b- в инициале вполне закономерен при освоении русскими и татарскими диалектами.

После ряда связанных между собой этимологий, делаются следующие выводы:

1. Номенклатурный термин *vagan членится: совпавшая с именем глагольная основа var- 'размывать' плюс -an, аффикс причастия, регистрируемый и в других именах тюркского r-, l-язычного происхождения.

2. Гидронимический ареал *vagan датируется: а) в районе озера Балхаш и верховьев рек Иртыш и Обь до I—III вв. н. э. б) в Восточной Европе с IV—XII вв. н. э.

3. Желательны поиски в соответствующей зоне других топонимов и гидронимов гунно-болгарского (и древнечувашского) происхождения. В частности заслуживают внимания гидронимы с элементом *ja⁰: қап, рассмотрению которых и посвящаются следующие несколько параграфов.

III. Основания для выделения ареала *ja⁰: қап те же, что и для ареала *vagan (и в азиатской и в европейской части рассматриваемые ареалы перекрываются):

1) локальная ограниченность распространения;

2) самостоятельное устойчивое функционирование в качестве названий рек (Agan, Jugan, Jogan, Jučan и т. д.);

3) вхождение в состав названий, определяющая часть которых может быть лингвистически детерминирована (Bol'soj Jugan, Malyj Jugan, Kul'-Jegan, Var-Jegan, Kievskij Jegan);

4) вхождение в состав названий в качестве определяющей части к лингвистически детерминированной определяемой части (Jegan-Vaşan, Jučan śöl, Jučan šyv).

Зарегистрированных гидронимов *ja°:қап более 40, часть из них в бассейне р. Обь, другая — в бассейнах рр. Камы и Волги. Эти названия могут быть сопоставлены как с хантыйским jəgəp 'река', так и с гунно-булгаро-чувашским *ja°:қап (~ja°:qan) ('проточная) река'.

Вне всякого сомнения сопоставимость и общеалтайский характер происхождения хантыйск. jəgəp ~ jəgəp 'река'; чуваш. jəgəp ~ joқап ~ joқап ~ juқап 'текущий, проточный; поток, речка'; финск. joki, коми ju, марийск. joga 'течь; река'; тюркск. ag-, aqan 'течь; текущий; поток'. Ср. также финское jokki 'река' и чувашское слово šu jokki 'поток, течение воды' в Словаре Ашмарина. Однако, по признаку одновременного наличия инициального (протетического?) j- и древнего аффикса причастия -an совпадают только хантыйская и чувашская формы, что невозможно игнорировать.

Помимо того, что фонетические варианты aqan, juқап, juқап и т. д. объяснимы из истории чувашского языка, обращает на себя внимание факт наличия в языках Сибири большого количества слов, которые в ряде случаев могут быть восприняты исключительно как заимствования из древнечувашского. В камасинском несомненно прачувашского происхождения аффикс множественности имен -sej (ср. маньчжур. -se, sa; монг. -s; чув. -sen, -se, -s), а также слова со следами ротацизма и ламбдаизма, типа: miukur (чув. məkər) 'рог, шишка'; d'ür (чув. šər, šür) 'сто'. Ср. также: эвенк. guran, чув. хурəп 'береза'; эвенк. tuŋeŋ, чув. *təŋeŋ 'море, озеро'; эвенк. d'olo, чув. čol, t'šol 'камень' и т. д., в т. ч. в монгольском.

Кроме полутора десятка чувашских заимствований в мансийском и хантыйском, указанных в свое время Мункачи, Гомбоцем и Паасоненом, В. Г. Егоров предположил в качестве таковых еще столько же. Нами также отмечены по книге Н. И. Терешкина¹⁰ более 20 слов в ваховском диалекте хантыйского языка, ср.: чув. šəgə, šə'gə, хант., манс. suri, турец. jüzük 'кольцо'; чув. avər, манс. aər, хант. avər-ne 'омут'; чув. səvər, манс. sovər, алтайск. süzel 'сурок'; чув. šəga, манс. šuga, sura 'густой'; хант. ваховск. n'og, n'ogəm 'мать; болотистая местность', чув. n'ogə, n'ogəm 'сырой, болотистый, болото'; хант. ваховск. pəta, чув. pata, служебное слово 'к чему-л.'; хант. ваховск. soç (1 ед. suçəm), чув. šəgə, šə'gə 'стерлядь'; хант. ваховск. emta, чув. əmter 'дать (заставить) сосать', от əm 'сосать'; хант. ваховск. semlə'ç 'слепой' от sem 'глаз', чув. səm-sokkər, səm-sukkər 'совершенно слепой', если принять хантыйско-угорское происхождение, то səm 'глаз', sukkər 'слепой', səm sukkər 'слепой глаз' и т. д.

¹⁰ Н. И. Терешкин. Очерки диалектов хантыйского языка, ч. I, Ваховский диалект. АН СССР, М.—Л., 1961.

Количество приведенных сопоставлений говорит само за себя, делая при этом возможным рассмотрение хантыйского термина jəgəp в качестве весьма древнего заимствования из тюркских г-, l-диалектов (типа древнечувашских). Сами же топонимы в большинстве своем могут быть рассмотрены как реализованные в Сибири — хантыйским языком, а в Поволжье и в Закамье — булгарским и чувашским языками. Допустима датировка ареала *ja° : қап, как и ареала *vaqan, в азиатской части до I—III вв. н. э., а в европейской части, начиная с IV, V вв. н. э.

Общим выводом из рассмотренного во второй главе материала является предположение, что родиной тюркских предков современных чувашей могла быть Западная Сибирь, точнее верховье бассейна р. Енисей и верхне-средняя часть бассейнов рек Обь и Иртыш. Предположения, близкие к этому, в свое время на основании других материалов высказывались также Б. А. Серебряниковым и некоторыми другими исследователями.

IV. Третья глава. Как было указано, гунно-булгарский ареал *vaqan имеет западной границей бассейн Днепра. Это обязывает искать в бассейнах Волги, Дона, Днепра и Дуная и другие следы длительного и исторически достоверного пребывания тюркских l-, g-язычных племен и народов.

В частности, заслуживают внимания топонимы: Tileorman-skij les (р. Хопер и Ворона у их слияния в СССР) и река Tileorman (Румынская равнина Нижнего Дуная), на которые обращали внимание Б. П. Хаждау, О. Денсушану, Л. Шейняну, И. Коня, Ш. Драгомиреску, Г. Няму, Й. Йордан, М. П. Скрыбин и нек. др., считая их половецкими по происхождению: половецк. tila-'stultus' 'безумный' + orman 'лес(ной массив)'.¹¹ Тем не менее, половецкое происхождение этих топонимов вызывает некоторые сомнения, поскольку: 1) трудно допустить определение «глупый» к такому географическому термину как «лес», 2) непонятно, почему исходное -a в слове tila, оказываясь в сочетании с orman перед гласным заднего ряда, заменяется -e, причем палатализации подвергается и предшествующая консонанта -l-.

Вероятным кажется допустить гунно-булгарское происхождение указанных топонимов, ср. болгарск., чуваш. tile~tilə 'лиса, лисица; лисий', болгарск. *orman~orman 'лес(ной) массив'. В названии лисы на других тюркских языках присутствует в исходе слог с -k(-q-), который в булгаро-чувашских диалектах закономерно опускается.

В связи с этим возникает ряд вопросов:

1. Возможно ли отпадение -k(-q-), -k(-q-) в гунно-булгарских диалектах в предполагаемую эпоху примерно с IV по VIII в. н. э.?

¹¹ По этому вопросу см. также Г. Е. Корнилов. К вопросу о возможности гунно-булгарского происхождения некоторых топонимов в бассейнах Дона и Дуная. Уч. зап. ЧНИИ ЯЛИЭ, вып. XXVII, Чебоксары. 1964.

2. Возможно ли употребление изафетного словосочетания Tile oγman в топонимике без оформления определяемого компонента аффиксом притяжательности 3 лица?

3. Возможно ли в гунно-булгарском oγman отсутствие протетического v- (при гуннском Var в соответствие тюркск. Özü 'р. Днепр')?

Эти вопросы находят положительное разрешение. Более затруднительным может казаться то обстоятельство, что не удалось найти ни одного топонима Tile vγtman 'Лисий лес' на современной чувашеязычной территории. Однако, историческая изменчивость закономерностей выбора признаков, которые кладутся в основу географических имен, обоснованная В. А. Никоновым,¹² позволяет объяснить этот кажущийся столь парадоксальным факт. Ведь в древнюю эпоху гунно-булгарские племена вели полукочевой образ жизни, большую роль в их хозяйстве занимала охота на диких зверей и птиц, отсюда и выбор признака для названия леса — обилие его тем или иным объектом охоты. Другое дело, когда булгары (в их числе — тюркские предки современных чувашей) поселились на оседлую жизнь в Среднем Поволжье, здесь главными признаками леса стали его 1) принадлежность определенному лицу или коллективу 2) возможность хозяйственного использования и состав древесных пород 3) местоположение и др.

Помимо Tile oγman, рассматривается возможность гунно-булгарского происхождения других топонимов на соответствующей территории, при этом делается сопоставления: р. Voroγa с древнерусск. *vōr̃na, булгарск. *varan, притоки Дуная Šiu и Žiu с чувашск., булгарск. šiv, šyv 'вода, река', фракийск. *Serma (Болгария) с булгарск., чуваш. šerma ~ šir̃ma ~ šur̃ma 'овраг; речка, река'; р. Voroγ в Крыму с булгарск. *varan; название черноморо-азовского залива Šivaš с этнонимом Šuvaš (t'šêvaš) 'чуваш'; «скифского» названия Азовского моря Temeγinda с булгарск., древнечуваш. *tenger 'море' и т. д.

В конце главы делается вывод о том, что независимо от степени подлинности тюрко-булгарского ареала Tile oγman возможна и необходима постановка вопроса о тюркских г-, l-язычных названиях рек, озер и других топографических объектов в бассейнах Дона и Дуная.

В. Как известно, большая часть булгар, перекочевав из Северного Причерноморья, образовала к VIII-IX вв. н. э. на территории Среднего Поволжья государство, столицами которого в разное время были гг. Великий Болгар, Биляр и др. Камско-волжская Булгария вела оживленные сношения с Киевской Русью, а также со многими восточными, северными и южными соседями.

«Политическое, экономическое и культурное влияние болгар на запад простиралось к устью Оки. Восточная граница Б. г-ва проходила по левому берегу р. Белой, а на юге памятники болгарской культуры встречаются на Самарской Луке. Южная граница, очевидно, проходила выше современного Саратова и близ р. Урал. На севере правый берег Камы был болгарским. К XII в. границы Болгарского государства несколько расширились на север; в его состав вошел бассейн р. Казанки и территория между Волгой и Вяткой к северу от Камы. Проникновение болгар в верховья Камы и бассейн рек Вятки и Чепца относится уже к XIV в. На границы расселения болгар указывают точно датированные могильные памятники».¹³

Эти исторические данные обязывают нас искать топонимы булгарско-чувашского происхождения на территориях современных — Башкирской, Марийской, Мордовской, Татарской, Удмуртской, Чувашской АССР и Горьковской, Куйбышевской, Пензенской, Ульяновской областей, а также смежных с ними районов.

В четвертой главе рассматриваются два несомненно булгаро-чувашских ареала — *ča°:lly и šur̃ma, локализованные на территории Среднего Поволжья. По обоим ареалам указываются источники, приводятся списки наиболее интересных с точки зрения дальнейшей интерпретации топонимов. В списках указываются: адрес топонима, его фонетические эквиваленты по различным местным говорам, диалектам и языкам, в прозрачных случаях — перевод на соответствующий язык, в случаях непрозрачных — в той или иной степени приемлемая этимология, исходящая из учета соответствий реалиям и фонетико-семантического совпадения с действительными или реконструируемыми апелляциями.

Относительно элемента *ča°:lly (татарский эквивалент čally, русские — čolly, čolny, čelny) делается вывод, что он сопоставим с булгарско-чувашским *ča°:lly ~ čolly ~ čullê 'каменистый, каменный' при *ča°:l ~ čol ~ čul 'камень, каменный'.¹⁴ Если предположить, что татарский вариант топонима čally донес нам форму, близкую к исходной булгаро-чувашской, представляется возможность относительной хронологизации двух явлений:

1) палатализации t-, которая через ступень t' - > t'š-, сохраняющуюся в низовом диалекте чувашского языка, в верховом диалекте и современном литературном языке, депалатализуясь, дала форму [č];¹⁵

¹³ Очерки истории СССР, М., 1958, стр. 717, 718.

¹⁴ Г. Е. Корнилов. О судьбе булгарско-чувашского т'а°:л ~ ч'а°:л > т'ул ~ ч'ол в топонимике Среднего Поволжья. Уч. зап. ЧНИИ ЯЛИЭ, вып. XXVI, Чебоксары — 1963, стр. 82—89.

¹⁵ Не без влияния русского и восточнофинских, о чем см. наши «Заметки о говоре села Бердяш». НИИ ЯЛИЭ при Сов. Мин. ЧАССР. «Научная сессия за 1961 г. Тезисы докладов секции языка». Чебоксары, 1961, стр. 10—16.

2) редукции *a^o: первого слога > o ~ u > ə^o > ə (ср. формы: čal ~ čol ~ čul ~ čəl и др.).

Основную же ценность ареал čelny при всей трагической скудости материалов, представляет как собственно исторический материал, т. е. имеющее силу исторического документа подтверждение относительно точно датированной смены языков на территории Среднего Поволжья.

Территорию *ča^o:lly, а также значительные смежные с ней районы занимает другой, весьма многочисленный ареал, имеющий своим основным признаком болгаро-чувашское слово šyгma 'овраг, речка' в определяемой части. Это слово общетюркского происхождения, членится: šyг-ма, где šyг- 'размывать (о воде)', 'писать', 'чертить', 'проводить борозду' соответствует киргизск. и узбекск. žag 'овраг', татарск. и русск. (из татарск.) jag 'яр, обрыв' и т. д. Вторая часть -ма является супинообразующим аффиксом с закономерным «отпадением» исходного заднеязычного -к: -ма < *мақ, šyгма < *šyгмақ, ср. турецк. ğmak 'река', татарск. jəgмақ 'проток, рукав реки и др.'.

Последовательное «отпадение» -қ в данном случае пока не нашло исчерпывающего в своей удовлетворительности объяснения, но несомненно одно: интересующий нас термин выглядел как šyгма (а не как šyгмақ) задолго до локализации болгаро-чувашских диалектов на территории Среднего Поволжья. Последнее видно из того, что соответствующее -қ в венгерских заимствованиях из гунно-булгарских диалектов отсутствует или наличествует в тех же словах, что и в чувашском. Следовательно šyгма на всей территории его распространения должен рассматриваться как термин болгаро-чувашский и ни в коем случае не татарский по происхождению. Соответственно и топонимы с šyгма на территории Татарской АССР, типа: Іk šyгма, Іarак čurма, Karek šerма, Ton šerма, Urum širма, Šu šerма и т. д. должны рассматриваться как освоенные татарским языком субстратные (булгарские) топонимы, сохранившиеся при переходе болгар после татарско-монгольского порабощения на татарский язык, в связи с принятием мусульманства и др. социально-экономическими причинами. Многие определения к šyгма в указанных топонимах не могут быть объяснены из татарских диалектов и вместе с тем легко находят соответствующие апеллятивы в чувашском, ср.: karek, чуваш. karĕk 'глухарь, глухаринный'; ton, чуваш. tã'n, tãm 'глина, глинистый'; urum, чуваш. vã'rã'm, татарск. uzun 'долгий, длинный'; šu, чуваш. šu(v), татарск. su 'вода, водный'; kondur, чуваш. xã'ndãr, татарск. konduz 'бобр, бобровый' и т. д. Всего дано 35 этимологий топонимов с šyгма

Также: Г. Е. Корнилов. Некоторые материалы для характеристики говора села Бердяш. . . Сб. «Материалы по чувашской диалектологии», вып. II, Чебоксары, 1963.

с левого берега р. Волги и 112 этимологий — топонимов с правого берега. При этом указывается, что татарские слова uzun, konduz и др. нельзя признать последующим этапом развития ugum, kondur, т. к. в рассматриваемую эпоху соответствие г ~ з является уже пространственным, а не хронологическим. Для данного случая оказывается не имеющим значения и вопрос о направлении перехода г > з или з > г, поскольку переход этот совершился еще в алтайскую эпоху, за много веков до локализации тюрко-булгар на территории Среднего Поволжья и до завоевания последних татарами-кыпчаками.

Далее рассматриваются фонетические эквиваленты номенклатурного географического термина šyгма: širma, širmə, šurма, šerма, šermi, sirma, sir'ma, serма, sermy, sirmi, syr'ma, šurма, šur'ma, sirmy, šurmy, sarма, zirма, ščerма, čirma, čürmi, čurма, šurма, šurmi, — всего 23 эквивалента. Не разные ли все это слова? Подробное рассмотрение каждого отдельного случая и всех в совокупности показывает, что для десятка языков и диалектов Среднего Поволжья такое «фонетическое дробление» топонима вполне естественно. Более того, можно предполагать, что в дальнейшем будут открываться еще новые варианты šyгма в топонимическом употреблении.

На основании рассмотренных ареалов *ča^o:lly и šyгма сделаны выводы:

1. Часть болгарских племен осталась в живых после татаро-монгольского нашествия не только на правом берегу Волги, где явилась основным этническим компонентом при формировании чувашской народности, но и на левом берегу Волги.

2. Эта оставшаяся на левом берегу Волги часть болгарских племен усвоила близкий по строю татарский язык, но не в совершенстве и не полностью, отсюда диалектные субстратные соответствия z ~ г, š ~ l в отдельных топонимах и апеллятивах.

3. Эта оставшаяся на левом берегу часть болгар обеспечила до некоторой степени топонимическую преемственность, в результате чего мы и имеем рассмотренные выше остатки ареалов *ča^o:lly и šyгма в Среднем Заволжье на исторически засвидетельствованной территории Великой Болгарии.

4. Самостоятельный вывод позволяют сделать рассмотренные попутно определения к слову šyгма, имеющие окончания -пег и -паг < марийск. eper 'речка; овраг'. Они являются субстратными, древнемарийскими по происхождению в чувашской топонимии правобережья и противопоставлены по отношению к бытующим здесь же чисто татарским топонимам, являющимся, в свою очередь, суперстратными (в т. ч. адстратными) включениями, относительно точно датируемыми эпохой татаро-монгольского ига и Казанского ханства.

VI. Последняя, пятая глава исследования посвящена вопросу о возможных классификациях топонимов, функциони-

рующих в чувашском, а также в некоторых других агглютинирующих языках.

В качестве теоретической предпосылки рассматривается положение о том, что хотя рассмотренные выше в плане происхождения группы топонимов, подобно любым другим группам топонимов вообще, обладают не одинаковой степенью мотивированности со стороны реалий, тем не менее, в целом их можно рассматривать в числе СИ (т. е. собственных имен). Далее устанавливается, что в отдельном языке не имеет функционального значения вопрос о том — является ли структура данного языка первичной (или даже основной) для используемых в целях общения и мышления СИ.

Исходя из положения В. Н. Топорова о СИ, как едином «канале коммуникации в человеческом обществе. . . как в пространстве, так и во времени»¹⁶ предлагается в интерлингвистической системе СИ различать ономы и аллономы, при этом аллономы рассматривать как следствия конкретных реализаций СИ (оном) в том или ином количестве языков. Аллономы в разной степени различаются между собой по фонетико-грамматическому облику и т. д., но совпадают функционально — все они называют один и тот же реально существующий, существовавший или предполагаемый в мире объект. Наличие же у одного объекта нескольких оном как в пространственном (интерлингвистическом), так и в хронологическом (историческом) плане рассматривается как явление значительно суживающее возможности коммуникации и потому в известной мере нежелательное.

Затем анализируются исключительно топонимы, которые можно считать ономами, при этом «избыточные» аспекты их функциональной значимости (эмоционально-экспрессивный и др.) игнорируются.

В свое время в одной из своих работ¹⁷ по тюркской топонимике на основе анализа башкирских названий нами был сделан вывод о том, что в тюркской гидро- и оронимике особенно распространена конструкция «определение + определяемое» и ее эллиптический эквивалент. При этом в качестве эллиптических рассматривались, в частности, названия, «утратившие первую атрибутивную часть словосочетания (или не имевшие ее)», типа: Uzen', Uz'an из башк. uzən 'дол(ина)'; Ćiřma из татарск. Ćiřma 'ручей; родник' и т. д. А в качестве «особой разновидности» названий типа «определение + определяемое» рассматривались топонимы, вторая часть которых не является географическим номенклатур-

ным термином, типа: Akberda из башк. aq bəzge 'белый хариус', Tuğajig из башк. tuğu ajiğ 'гнедой жеребец' и т. д.

Действительно, конструкция «определение + определяемое» (т. е., атрибутивная синтагма) является господствующей в тюркской и финно-угорской топонимии. Б. А. Серебренников видит в этом своеобразную «формульность топонимии», которая «определяется в первую очередь категориальностью объектов наименования — село, деревня, город и т. п., а также их различными особенностями». Далее он каждую группу названий — названия рек, деревень и т. д. — именует «топонимическим типом», а определяемый номенклатурный термин — «индикатором топонимических типов».¹⁸

Конечно, очень удобно в исследовательских целях расположение материала (особенно иноязычного происхождения) по лексико-семантическим группам: «названия гор», «названия оврагов» и т. д. Однако это будет именно лексико-семантические группы, которые не помогают выявлению типов образования и функционирования топонимов в качестве СИ. Кроме того, с помощью так называемых «ключевых слов или индикаторов топонимических типов» не удастся пройти топонимическое поле данного языка полностью. Как быть: с топонимом, не имеющим «индикатора»? Когда наличествующий «индикатор» не отвечает реалиям? Когда наличествует только «индикатор»? Эти трудности усугублены тем, что в агглютинирующих языках топонимическое или апеллятивное употребление номенклатурных географических терминов (по терминологии Б. А. Серебренникова «индикаторов») как правило формально ничем не разграничено. Кроме того, в плане происхождения тюркские и финно-угорские топонимы-словосочетания с номенклатурным географическим термином в определяемой части в соответствующих языках не могут рассматриваться как особого рода тополексемы, где первая часть представляет собой топооснову, а вторая — топоформант (как таковые их можно рассматривать, напр., при функционировании в русском языке). Это по существу обычные атрибутивные синтагмы, в которых «основой» является именно вторая, определяемая часть.

Исходя из аналогичных соображений делается предположение, что одним из наидревнейших типов топонимообразования является именно простое употребление в качестве СИ одних географических номенклатурных терминов без специальных дифференцирующих элементов. Далее рассматриваются степень продуктивности и хронологическая совместимость этого типа с последующими (в т. ч. современными) топонимическими типами. При этом указывается, что свойство «быть СИ» здесь предельно минимально и

¹⁶ В. Н. Т о п о р о в. Некоторые соображения в связи с построением теоретической топономастики, «Принципы топонимии», М., 1964, стр. 8.

¹⁷ См. Г. Е. К о р н и л о в. К вопросу о способах образования башкирских гидронимов и оронимов. «Вопросы топономастики», Уральский университет им. А. М. Горького, вып. I, Свердловск, 1962.

¹⁸ Б. А. С е р е б р е н н и к о в. О методах изучения топонимических названий. ВЯ, № 6, 1959, стр. 36 и далее, раздел «Особенности топонимии как части языка».

выражается исключительно в устойчивом соотношении нарицательного имени (географического термина) с конкретным географическим объектом при нулевом грамматическом оформлении этого соотношения.

Древним является также тип «определение + определяемое (отвечающий реалиям географический номенклатурный термин)», т. е. атрибутивная синтагма в топонимическом употреблении.

Более поздними можно считать названия, обнаруживающие в самых разнообразных случаях любую степень эллипирования указанных атрибутивных синтагм, образующих названия второго типа. Как подтип, а может быть даже в качестве самостоятельного, четвертого типа, можно рассматривать топонимы, образованные по третьему типу, но полностью утратившие (в случае субстрата, адстрата, суперстрата — не имевшие) связь с апеллятивами, однако, получившие новые дифференцирующие определения.

Серьезные удобства такого выделения топонимических типов для тюркских языков совершенно очевидны: во-первых, создается возможность членения всего топонимического поля в данном языке (или в данных языках), включая названия, обязанные своим происхождением субстрату, адстрату и суперстрату и т. д., во-вторых, в чисто языковом плане оказывается возможным разграничение формально-грамматического и лексико-семантического аспектов классификации, а также разграничение приемов, используемых при изучении происхождения названий от приемов, используемых при изучении закономерностей функционирования названий, в-третьих же оказывается облегченным установление качественного и количественного структурно-грамматического своеобразия топонимии, обязанной происхождением тому или иному языку или группе родственных языков.¹⁹

Соответственно оказывается невозможным рассмотрение в качестве эллиптических названий типа Uzen—Долина, Cišma — Родник и т. д., как было сделано в указанной выше нашей студен-

¹⁹ Как можно заметить, наше выделение типов учитывает прежде всего различные степени свойства «быть СИ» и по существу ничего общего не имеет со «структурально-грамматической классификацией» топонимов Роспонда, в основу которой положено простое деление апеллятивов на 1) производные 2) непроизводные и 3) составные. См. S t. R o s p o n d, Klasyfikacja strukturalno-gramatyczna slowiańskich nazw geograficznych, «Prace Wrocławskiego Towarzystwa naukowego», Ser. A, 58, Wrocław, 1957. Пример иной классификации («структурна класификация на водните имена») см. у Jordan'a Zaimow'a: «Prace onomastyczne», 5. 1 Międzynarodowa slawistyczna konferencja onomastyczna, Wrocław—Warszawa—Kraków, 1961, стр. 178 и далее. Одна из лучших классификаций, представленная в работе Лебеля (см. P. L e b e l. Principes et méthodes d'hydronymie française. Paris, 1956), также существенно отличается от нашей, поскольку преследует преимущественно цель выявления исторических напластований (в т. ч. разноязычных) на определенной территории.

ческой работе. Что касается топонимов, вторая часть которых не является географическим номенклатурным термином, типа: Aқberda — Белый Хариус, Turajgir — Гнедой Жеребец и т. д., то, как было сказано, они могут рассматриваться как результат действительного или «подразумеваемого» эллипирования. В числе «эллиптических»,²⁰ т. о., оказываются и по разным причинам нерасчленимые (в основном иноязычного происхождения) топонимы, которые являются по своему характеру наиболее «иероглифическими» и полнее всего воплощают все свойства «быть СИ».²¹

Далее подробно рассматривается каждый тип в отдельности. Приводятся примеры из чувашского, башкирского, казахского, комизырянского, марийского, мордовского (эрзя), татарского языков. При анализе явлений первого типа подчеркивается, что не любое СИ, являющееся географическим номенклатурным термином и функционирующее в качестве топонима, можно считать относящимся к данному типу, а только то, значение соответствующего апеллятива которого совпадает с характером обозначаемого объекта, т. е. названия болота Šor < чуваш. верх. šor 'болото' или Saz < тюркск. saz 'болото' имеют прямое отношение к названному типу, а название речки около д. Таябы-Таушевой Šur или название поля на земле д. Егоркиной Šor (Сл. Ашм. XVII, 228) — сюда не относятся, поскольку Šur, Šor здесь являются позиционно определенными, результатом действительного или вследствие переноса образованного эллипирования соответственно Šur šurmi 'Болотистая речка' и Šor oǰə 'Болотистое поле'.

Среди топонимов, представляющих собой первый тип, рассматриваются «внутренние синтагмы», т. е. осложненные аффиксами, топонимическое или апеллятивное употребление которых в тюркских языках оказывается по существу ничем формально не разграниченным. При этом отмечается чрезвычайное однообразие аффиксов, что наряду с вышесказанным позволяет говорить об особенностях рассматриваемого топонимического типа на тюркской почве, которая ярко оттеняет тюркскую топонимию, например, на фоне русской, «основная специфическая черта» которой (как и вообще славянской) — «господствующая аффиксальность».

В группу названий, которые следует считать образованными по второму типу, войдут также исключительно те топонимы, определяемая часть которых обязательно наличествуя, в то же время соответствует реалиям, т. е. Mǎn šurta из чуваш. mǎn šurta 'большой овраг (речка)' в качестве названья оврага будет счи-

²⁰ Предполагается условность этого выражения, поскольку никакой топоним в качестве СИ не может быть эллиптическим, а исключительно только может быть образованным по типу эллипзированной атрибутивной синтагмы.

²¹ В. Н. Т о п о р о в. Указ. соч., стр. 12.

таться образованным по данному типу, а в качестве названия села (быв. Урмарский р-н ЧАССР) без дополнительных элементов, указывающих, что это именно название села, — не будет.

Главной качественной особенностью данного типа по сравнению с предыдущим будет несколько более высокая степень свойства «быть СИ», обусловленная более высокой степенью индивидуализации в результате наличия дополнительных дифференцирующих определений, грамматически оформляющих соотношение имени с отдельным объектом. В то же время свойства «быть СИ» здесь далеко еще не исчерпаны в связи с полным или — реже — частичным наличием соответствующих апеллятивов, понимаемых в широком лингвистическом смысле.

Отмечается заметное однообразие средств связи между определяемым и определяющим компонентами. Например, в чувашском, кроме способа порядка следования (определение, затем — определяемое) можно указать только на дополнительное факультативное оформление определяемого компонента аффиксом принадлежности 3 лица -i или -э (в соответствии татарск. -у, -су и т. д.): Kiremet şygmî из kiremet 'злое божество киреметь' + şyğma 'овраг (речка)' + -i, аффикс принадлежности 3 лица, букв.: 'Киреметь + овраг его' и т. д. В равной мере это относится и к апеллятивному функционированию подобных синтагм.

Касаясь многообразия элементов, используемых в качестве определяющего компонента, указывается, что здесь определением может быть как любое другое имя или причастие, так и теоретически любое количество связанных между собой именных или глагольных (в том числе: образующих предикативную синтагму, т. е. предложение) словосочетаний. Если определяемая часть, как правило, одночленна, то определяющая часть согласно подсчетов одночленна только менее чем в 50% случаев, двухчленна — около 30%, трехчленна — около 15%, четырехчленна — более 2%, пяти и более членна — менее 1%. При этом можно указать, что определяющая часть каждой соответствующей синтагмы (в т. ч. выступающей в свою очередь в качестве определения) выражается: 1) именем существительным, представляющим собой географический номенклатурный термин — 189 раз из 2000, антропоним различного происхождения — 226 раз из 2000, название растения — 77 раз из 2000, название различных религиозно-культурных (в основном языческих) реалий — 54 раза из 2000, название животного — 48 раз из 2000, субстратный (адстратный, суперстратный) топоним различного происхождения и т. д., всего именем существительным более чем в 70% случаев; 2) именем прилагательным — менее чем в 30% случаев; 3) глагольными (главным образом причастными) формами, в том числе с грамматически зависимыми от них словами — около 3%; 4) именем числительным (зарегистрированы: 1, 2, 3, 4, 5, 7, 9, 12, 30, 90, 100) — около 1%; 5) местоимениями — менее 0,5%. При массовом этимологизировании

это дает право допустить соответствующее число случаев объяснения с помощью тех или иных апеллятивов.

Более всего (но тоже не все в одинаковой степени) воплощают в себе свойства «быть СИ» топонимы третьего типа, образующиеся, как было сказано, по типу эллиптированной атрибутивной синтагмы. Последнее достигается:

А. Действительным сокращением определяемого компонента, равного отвечающему реалиям географическому номенклатурному термину по разнообразным причинам (влияние языка документов, действие аналогии, стремление к «экономии» и проч.). Это иллюстрируется случаями непереносного или исконного употребления в качестве топонима прозрачных антропонимов, названий животных, растений и др. имен существительных, а также — прилагательных, числительных, глагольных форм и т. д., при этом последние могут иметь при себе теоретически любое количество грамматически зависимых слов, например: деревня Dozmer из коми-зырянск. dozmer 'глухарь'; речка Akberda из башк. aq bärze 'белый хариус'; местность Biesojgan из казахск. bie sojgan '(где) кололи лошадей'; деревня Şerär из чуваш. şärär 'еж'; поляна Ура kuran из чуваш. ура kuran '(где) видели (или обыкновенно видят) медведя' и т. д.

Б. Перенесение имени одного объекта на другой (чаще — соседний) без каких-либо формальных изменений и добавлений. Эти случаи обнаруживаются когда в топонимах определяемая часть представляет собой номенклатурный географический термин, не соответствующий реалиям или же, при отсутствии такого термина, обозначаемый признак никак не может проистекать из свойств называемого реального объекта, ср. коми-зырянск. деревня Mişajag 'Красивый лес', татарск. деревня Käkre jelga 'кривая речка', чувашск. улица Şiraç şygmî 'щипачевский овраг', речка Mukşur 'моховое болото', деревня Тагәнвар 'глубокий дол' и т. д. При этом обычно названия населенных пунктов могут быть равными названиям природных объектов последовательно избегая оформления соответствующим термином (kas, jal, aul и т. д.), обозначающим категорию нас. пункта, а названия природных объектов равными названиям нас. пунктов без соответствующего оформления — быть не могут, т. е. Män şyğma 'Большой овраг' можно понять и как название оврага и как название деревни, но Şärpü jel' 'деревня сотника' можно понять исключительно в качестве названия деревни, а если иметь в виду протекающую через деревню речку, то обязательно надо сказать Şärpüjel şyvê или Şärpüjel şygmî 'серьполевская речка'. Простой перенос названий природных объектов с одного на другой также возможен, но встречается реже.

В. Усвоение иноязычных топонимов, когда последние приспособляются в плане изменения артикуляционно-акустической характеристики составляющих фонем, снабжаются теми или иными

1054548

72-a

формально-грамматическими показателями, но не сближаются с функционирующими в данном языке апеллятивами и не получают в качестве определяемого компонента соответствующих прозрачных, отвечающих реалиям, географических номенклатурных терминов. В условиях, напр., исключая билингвизм, эти топонимы больше всего воплощают в себе свойства «быть СИ» и вместе с новыми топонимами, создаваемыми по их образцу, являют собой предел, к которому стремится в своем развитии любой топоним в отдельности и вся топонимия в целом. Тем не менее, трудно представить себе топонимическую систему какого-либо живого языка, представленную исключительно именами данного типа, поскольку всегда сохраняются противоположные тенденции.

Г. Переосмысление старых топонимов в результате исторических изменений в фонетике, а также укрепления формальной и смысловой связи между компонентами по разнообразным причинам: исторические изменения в составе и употреблении апеллятивов, изменения в наличности и характере реалий и т. д. Сюда же — случаи переосмысления иноязычных названий, процент которых, правда, определить трудно, т. е. нужны свидетельства документов почти по каждому объекту.

В конце главы указываются общие тенденции развития топонимии: тенденция топонимии обособиться от апеллятивов, максимально воплотить свойства «быть СИ» и тенденция вернуть топонимам апеллятивы, укрепить их связь с обычными нарицательными словами. С мыслью проиллюстрировать последнее, приводится пример с названиями населенных пунктов на территории ЧАССР. Смысл приводимых двух подробных таблиц сводится к следующему. За 50 лет (с 1910 по 1960 г.) возросло число топонимов: 1) образованных по третьему типу путем усвоения имен иноязычного происхождения на 5,6%, 2) образованных по третьему типу, путем добавления к непрозрачному имени прозрачного дифференцирующего определения со значением, аналогичным: «верхний — нижний», «новый — старый», «татарский — русский», «лесной — безлесный (степной)» и т. д. — на 7,5%, обоих типов вместе на 13,1%. За тот же период сократилось число топонимов: 1) образованных по второму типу на 12,6%, 2) образованных по третьему типу путем переноса на 1,6%, обоих типов вместе — на 14,2%.

Не вдаваясь в анализ многочисленных и разнообразных причин, породивших в совокупности указанную закономерность, можно указать на несомненность самого движения топонимии от топонимов, обладающих свойством «быть СИ» в весьма незначительной, даже — условной степени к топонимам, обладающим максимальной степенью свойства «быть СИ». Вместе с тем, возрастание (даже может быть, преимущественное) топонимов, образованных по третьему типу путем добавления к непрозрачному имени прозрачного дифференцирующего определения рода «верхний —

нижний», говорит о некотором стремлении к систематизации топонимического поля, которое тем не менее еще весьма далеко от завершения.

Диссертацию завершает графическая схема рассмотренной классификации топонимов. Приведены различного рода указатели топонимов, карты, списки: сокращений, упоминаемой литературы, обследованных автором и другими лицами населенных пунктов и т. д.

По теме диссертации в разное время были опубликованы следующие статьи и заметки:

1. К вопросу о способах образования башкирских оронимов и гидронимов. Сб. «Вопросы топониматики», вып. 1, Уральский ун-т им. А. М. Горького, Свердловск, 1962, стр. 38—41.
2. Заметки о говоре села Бердяш (Зилаирского района Башкирии). ЧНИИЯЛИЭ. Сессия, посвященная итогам исследовательских работ за 1961 год. Доклады, обсуждаемые на заседаниях секции языка. Чебоксары, 1961, стр. 10—16.
3. Некоторые материалы для характеристики говора села Бердяш Зилаирского района Башкирской АССР. Сб. «Материалы по чувашской диалектологии», вып. 2. Чебоксары, 1963, стр. 133—162.
4. Гидронимические ареалы варан и йахан в Евразии. Сб. «Материалы по чувашской диалектологии», вып. 2, Чебоксары, 1963, стр. 207—223.
5. О судьбе болгарско-чувашского т'ал ~ ч'ал > т'ул ~ ч'ол в топонимике Среднего Поволжья. Уч. зап. ЧНИИЯЛИЭ, вып. XXVI, Чебоксары, 1963, стр. 82—89.
6. О составе фонем и их аллофонах в системе диалектов чувашского языка. Вопросы языкознания, № 4, 1964, стр. 99—108.
7. Гидронимический ареал йахан в Евразии. Сб. «Топонимика Востока. Новые исследования», «Наука», Москва, 1964.
8. К вопросу о возможности гунно-булгарского происхождения некоторых топонимов в бассейнах Дона и Дуная. Уч. зап. ЧНИИЯЛИЭ, вып. XXVII, Чебоксары, 1964, около 0,5 печ. л.
9. Опыт классификации топонимов по степени свойства «быть собственным именем». Всесоюзная конференция по топонимике СССР, Тезисы докладов и сообщений, Ленинград, 1965, стр. 30—32.
10. Об одном гидронимическом ареале Среднего Поволжья. III Республіканська ономастична (гідронімична) конференція, «Наукова думка», Київ, 1965, стр. 167—172.

В диссертации учтены критические замечания и пожелания, сделанные разными лицами по адресу указанных публикаций.